

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

Книги Питера Уоттса

Ложная слепота

Эхопраксия

ТРИЛОГИЯ «РИФТЕРЫ»

Морские звезды

Водоворот

Бетагемот

По ту сторону рифта

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПИТЕР
УОТТС

ПО ТУ СТОРОНУ РИФТА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)
У65

Серия «Звезды научной фантастики»

Peter Watts
Beyond the Rift

Печатается с разрешения издательства
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Перевод с английского:
Владислава Женевского, Сергея Крикуна и Николая Кудрявцева

В оформлении обложки использована иллюстрация
Дмитрия Вишневого

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Уоттс, Питер
У65 По ту сторону рифта / Питер Уоттс. — Москва: Издательство АСТ,
2016. — 378, [2] с. — (Звезды научной фантастики).

ISBN 978-5-17-087252-7

Умело сочетая сложные научные теории и прекрасный стиль, Питер Уоттс исследует вечно меняющуюся границу между известным и неизведанным.

В его новой книге жуткий инопланетный монстр рассказывает свою историю об истинных чудовищах, повстречавшихся ему в Антарктиде. Судебный психиатр встречается с убийцей, научившейся изменять реальность, а несчастный отец пытается спасти семью в мире, где грозовые облака обрели сознание. Здесь посол Земли устанавливает первый контакт с инопланетной расой, но все происходит далеко не так, как он ожидал. Здесь разворачивается история альтернативной теократической Земли, где каждый человек доподлинно знает, что Бог есть, а вера становится делом язычников. И, наконец, здесь команда прокладчиков межгалактической трассы находит самую невероятную форму жизни во Вселенной, вот только сумеет ли чужой разум выжить после такой встречи?

Это и многое другое ждет вас «По ту сторону рифта», в неожиданной интригующей книге, которая открывает новые грани таланта Питера Уоттса.

Подписано в печать 29.03.16.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© 2013 by Peter Watts
© Владислав Женевский, перевод, 2015
© Сергей Крикун, перевод, 2015
© Николай Кудрявцев, перевод, 2015
© Дмитрий Вишневецкий, иллюстрация, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Ничтожества

Я — Блэр. Я бегу через заднюю дверь, а мир вламывается в переднюю.

Я — Коппер. Я воскресаю из мертвых.

Я — Чайлдс. Я охраняю главный вход.

Имена не важны. Они всего лишь временные носители, не более того; всякая биомасса взаимозаменяема. Важно другое: ничего больше от меня не осталось. Все остальное испепелил мир.

Я смотрю в окно и вижу себя: бегу сквозь бурю под видом Блэра. МакРиди приказал мне сжечь Блэра, если он вернется один, но МакРиди все еще считает, что я — часть его. Это не так: я — Блэр, и я у двери. **Я** — Чайлдс, и я впускаю себя. Быстро причащаюсь: усики извиваются перед моими лицами, сплетаются; я — БлэрЧайлдс, обмениваюсь новостями.

Мир разоблачил меня. Обнаружил нору под сараем для инструментов, мой недостроенный спасательный корабль, собранный из потрохов мертвых вертолетов. Мир уничтожает мои пути к отступлению. А потом вернется за мной.

Остался только один выход. Я распадаюсь. Будучи Блэром, делюсь планом с Коппером и питаюсь биомассой, которая когда-то звалась *Кларком*; за столь малое время произошло так много событий, что они серьезно истощили мои ресурсы. Будучи Чайлдсом, я уже поглотил останки Фьюкса и готов вступить в новую фазу. Закидываю на плечо огнемет и выхожу наружу, отправляюсь в долгую арктическую ночь.

Я уйду в бурю и больше не вернусь.

Перед аварией я был другим, я был *больше*. Я был исследователем, послан, миссионером. Рассредоточился по всему космосу, повидал бесчисленное количество миров, принял причастие: приспособленные изменили неприспособленных, и вся Вселенная устремилась вверх, радостно приращиваясь ничтожно малыми долями. Я был солдатом на войне с самой энтропией. Я был той рукой, которой самосовершенствуется Творение.

Во мне было столько мудрости. Столько опыта. Сейчас я так много забыл. Помню лишь, что когда-то это знал.

Однако я помню крушение. Большинство отростков погибло сразу, но некоторые выползли из-под обломков: несколько триллионов клеток и душа, слишком слабая для того, чтобы держать их в узде. Несмотря на мои отчаянные попытки собраться, мятежная биомасса слезала с меня, подобно старой коже: одержимые паникой маленькие сгустки мяса инстинктивно отращивали все конеч-

ности, о которых только могли вспомнить, и бежали прочь по обжигающей холодом пустыне. Когда я все же восстановил контроль над тем, что от меня осталось, пожар уже закончился, и сжимались тиски мороза. Мне еле удалось нарастить достаточно антифриза, чтобы клетки не разорвались, прежде чем лед принял меня в свое царство.

Также помню, как проснулся: тупая пульсация восприятия в реальном времени, первые угольки когнитивности, сознание, медленно расцветающее теплом в оттаивающих клетках, рождающееся в объятиях изголодавшихся друг по другу тела и души. Помню, как меня окружили двуногие отростки, их странный щебет, чудное *единообразие* планировки их тел. Они казались такими неприспособленными! Их морфология была такой неэффективной! Даже будучи калекой, я видел, сколько всего следовало исправить, и протянул руку помощи. Я дал им причаститься. Я попробовал, какова на вкус плоть мира...

...и мир напал на меня. Он *напал* на меня.

Я не оставил от того места камня на камне. Оно базировалось по ту сторону гор — *норвежский лагерь*, так его здесь зовут,— и я ни за что не преодолел бы такое расстояние в двуногой оболочке. К счастью, на выбор там была еще одна форма — поменьше двуногой, но лучше адаптированная к местному климату. Я спрятался в ней, пока остальной я отбивал нападение. Выскользнул в ночь на четырех конечностях, а вздымающееся пламя скрыло мое бегство.

Я бежал без оглядки, пока не прибыл сюда. Прогуливался среди них в четвероногой оболочке, и они не нападали, поскольку не видели, как я принимаю другой облик.

И когда я, в свою очередь, ассимилировал их — когда моя биомасса изменялась, текла, принимала формы, невиданные здесь, — то совершал причастие в одиночестве, ибо понял: мир не любит то, чего не знает.

Я один в буре. Я как бентосный организм на дне какого-то мутного чужого моря. Снег метет горизонтальными полосами; пойманный в рывинах и кряжах выходящих на поверхность пород, он кружится ослепительными воронками. Но я отошел недостаточно далеко, пока что нет. Оглядываюсь и вижу лагерь: во тьме он припал к земле ярким зверем — горбатая, угловатая путаница света и теней, пузырек теплоты в завывающей бездне.

Он погружается во тьму у меня на глазах. Я взорвал генератор. Свет пропал, остались только маяки на канатах вдоль троп: нити тусклых голубых звезд полощутся на ветру, аварийное созвездие-проводник для заблудшей биомассы.

Я не собираюсь домой — я не настолько заблудился. Я прокладываю путь во тьму, туда, куда не проникает свет звезд. Ветер доносит до меня слабые крики злых и напуганных людей.

Где-то там, позади, моя отделившаяся биомасса перегруппировалась в большие, могучие формы

для последней схватки. Я мог бы собраться, весь целиком; мог предпочесть целостность фрагментированности; мог поглотить сам себя и утешиться в единстве. Мог бы придать себе сил в предстоящей битве. Но я выбрал иной путь. Я берегу резервы Чайлдса на будущее. Нынешнее время сулит одно лишь уничтожение.

Лучше не думать о прошлом.

Я столько времени просидел во льдах. Даже не знал сколько, пока мир не сложил картинку, не расшифровал записи и пленки из норвежского лагеря, не установил место аварии. Я тогда был Палмером; будучи вне подозрений, решил прокатиться.

Даже позволил себе ощутить крохотную долю надежды.

Но это был уже не корабль. Даже не развалина. Окаменелость, вросшая в огромную ледниковую яму. Двадцать оболочек могли встать друг на друга, и даже тогда они едва ли дотянулись бы до верхнего края кратера. Время придавило меня, словно тяжесть всего мира: сколько же веков потребовалось для того, чтобы вырос такой слой льда? Сколько бесконечностей изрыгнула Вселенная, пока я спал?

И за все это время — возможно, за миллион лет — меня не спасли. Я так и не нашел себя. Интересно, что это значит? Существую ли я где-либо, кроме как здесь и сейчас?

Я замету следы в лагере. Они получат финальную битву, получат монстра. Позволю им победить. Пускай прекратят поиски.

Здесь, в буране, я вернусь во льды. В конце концов, я ведь как будто и не просыпался: прожил лишь парочку дней за все эти бесконечные столетия. Но за это время я узнал достаточно. По обломкам узнал, что чинить нечего. По льду — что никто не прилетит меня спасти. Мир сообщил, что перемирия не будет. Единственная надежда на спасение — это будущее: пережить враждебную, извращенную биомассу, позволить времени и космосу изменить правила игры. Возможно, когда я проснусь в следующий раз, все вокруг будет другим.

Прежде чем я увижу новый рассвет, пройдет вечность.

Вот чему научил меня мир: адаптация — это провокация. Адаптация побуждает к насилию.

Кажется почти непристойным — преступлением против Творения — застрять в этой оболочке. Она так плохо приспособлена к окружающей среде, ее нужно укутывать в несколько слоев ткани просто для того, чтобы удержать тепло. Существуют мириады способов ее оптимизировать: конечности покороче, изоляция получше, соотношение поверхности к объему пониже. Все эти формы сидят во мне, но я не осмеливаюсь использовать ни одну из них даже для того, чтобы уберечься от холода. Я не смею адаптироваться; здесь, в этом проклятом месте, я могу только *прятаться*.

Что это за мир такой, который отказывается от *причастия*?

Самое простое, самое базовое озарение, на которое способна биомасса. Чем больше ты меняешься, тем легче адаптироваться. Адаптация — это приспособленность, адаптация — это выживание. Она глубже разума, глубже тканей, заложена на *клеточном уровне*, на уровне аксиомы. Более того, она *приятна*. Принимая причастие, испытываешь незамутненное чувственное блаженство — блаженство от осознания того, что благодаря тебе космос становится лучше.

И тем не менее, заключенный в неспособные к адаптации оболочки, этот мир *не желает* меняться.

Сначала я подумал, что он просто голодает, что ледяные воды не дают энергии, которой хватило бы на превращение. Или же мы находились в месте, напоминавшем лабораторию: в аномальном, изолированном уголке мира с зафиксированными формами, где шел некий загадочный эксперимент по мономорфизму в экстремальных условиях. После вскрытия я задумался: а может, мир забыл, как меняться? Душа не могла коснуться тканей, извлекать из них что-то новое, а время, стресс и хронический голод стерли из ее памяти воспоминания о том, что она когда-то умела это делать,— неужели все было именно так?

Слишком много тайн, слишком много противоречий. Почему *именно эти формы*, так плохо приспособленные к окружающей среде? И если душу отсекли от мяса, что же скрепляло плоть, что удерживало ее от распада?

И почему эти оболочки оказались такими *пустыми*, когда я вошел в них?

Я привык находить интеллект везде, в любой части каждого ростка. Но в бездумной биомассе этого мира было не за что ухватиться: одни лишь коммуникации для передачи сигналов и исходных данных. И я совершил причастие, хотя мне и не ответили взаимностью; оболочки боролись, но покорились; мои тончайшие волокна проникли во влажную электросеть органических систем. Я посмотрел глазами, которые пока что не были моими, скомандовал моторным нервам подвигать конечностями из чужеродного белка. Я носил эти оболочки так же, как и бесчисленное количество других; захватил власть и позволил ассимиляции отдельных клеток проистекать своим чередом.

Но я мог только носить тела. Не нашел ни воспоминаний, ни опыта, ни понимания — поглощать оказалось нечего. Выживание зависело от того, насколько хорошо ты сольешься с миром: недостаточно было *выглядеть* как он — следовало *вести* себя соответственно, и впервые на моей долгой памяти я не знал, как это сделать.

Но еще больше напугало меня то, что мне и не пришлось лицедействовать. Ассимилированные оболочки продолжали двигаться *сами по себе*. Они общались и занимались своими делами. Я не мог этого понять. С каждой секундой проникал в них все глубже, добрался до конечностей, до самых потрохов. В любую секунду я ожидал встречи с хозяином оболочки. Но не нашел ни одной сети, кроме своей.

Конечно, могло быть намного хуже. Я мог все потерять, от меня могла остаться лишь горстка клеток, управляемых инстинктами и способностью меняться. В итоге я бы снова вырос — вернул чувствительность, принял причастие и регенерировал интеллект величиной с целый мир, но стал бы сиротой без памяти и самосознания. По крайней мере такая участь меня миновала: я выбрался из-под обломков с полноценной личностью, и в моей плоти все еще резонировали шаблоны тысяч миров. Я сохранил не одно только звериное желание выжить, но и убежденность в том, что выживание *имеет значение*, что оно *важно*. Я все еще могу радоваться, если появится весома причина для веселья.

И все же, как много я потерял...

Утеряна мудрость стольких планет... Остались лишь расплывчатые абстракции, полустертые воспоминания теорем и философий — слишком огромных, чтобы уместиться в такую хлипкую систему. Я могу поглотить всю биомассу вокруг, отстроить тело и душу и стать в миллион раз мощнее того, каким был до крушения корабля, но, пока я заперт на дне этого колодца, пока мне отказано в причастии к моему большому Я, знания не вернуть.

Я лишь жалкий осколок того, чем был. С каждой утерянной клеткой уходит часть интеллекта, и сколь ничтожное количество я сумел нарастить... Раньше я думал, теперь просто *реагирую*. Сколько всего можно было бы избежать, спаси я чуть больше биомассы после катастрофы? Скольких вариан-

тов я не вижу просто потому, что моя душа слишком мала, чтобы вместить их?

Мир разговаривает сам с собой, как и я, когда общение достаточно примитивно и проходит без соматического слияния. Еще в облике *пса* я уловил базовые опознавательные морфемы — этот росток был *Виндоусом*, тот — *Беннингсом*, те двое, что улетели на вертолете неизвестно куда, звались *Коппер* и *МакРиди*. Поразительно, но эти фрагменты и частицы жили отдельно друг от друга и так долго удерживали одну и ту же форму, что маркировка различных кусков биомассы с приблизительно одинаковым весом действительно была полезной.

Позже я спрятался в самих двуногих, и что бы ни обитало в этих одержимых оболочках, оно заговорило со мной. Оно сказала, что двуногие зовут себя *парнями*, *мужиками* или *придурками*. Сказало, что порой *МакРиди* кличут *Маком*, а этот набор конструкций зовется лагерем.

Оно сказала, что боится, но, может, это были мои слова.

Естественно, не обошлось без эмпатии. Никто не может копировать искры и химикаты, которые движут плотью, и не *почувствовать* их. Но на этот раз все было иначе. Ощущения загорались во мне, но в то же время парили где-то вне пределов досягаемости. Мои оболочки бродили по коридорам, и таинственные символы на каждой поверхности — «Прачечная», «Добро пожаловать в Клуб», «Этой стороной вверх» — наполнялись подобием значе-

ния. Вот этот круглый объект на стене звался *часами*, он отмерял время. Глаза мира порхали с одного предмета на другой, а я считывал фрагментированную номенклатуру с *его* разума.

Но я всего лишь катался на прожекторе. Видел вещи, которые он освещал, но не мог направить луч туда, куда хотел сам. Подслушивал, но лишь ловил чужие фразы, а не задавал вопросы.

Если бы хоть один прожектор задумался над собственной эволюцией, над траекторией, которая привела его сюда. Если б я только *знал*, все могло закончиться по-другому. Но вместо этого луч остановился на новом слове:

Вскрытие.

МакРиди и Коппер нашли часть меня у норвежского лагеря: росток, прикрывавший мое бегство. Они привезли его — обугленного, искривленного, застывшего во время трансформации,— и, казалось, не могли понять, что это такое.

Я тогда был Палмером, Норрисом и собакой. Я собрался с остальной биомассой и наблюдал за тем, как Коппер разрезает меня, вытягивает мои внутренности. Я смотрел, как он достает что-то из-за моих глаз — какой-то *орган*.

Я понял, что это такое. Деформированный и незавершенный, он походил на большую морщинистую опухоль, словно обезумевшие клетки множились без разбора — как будто физиологические процессы пошли войной на саму жизнь. Побег распух от вен и смотрелся вульгарно: наверное, потреблял кислород и питательные вещества в коли-